

КИНЕМЫ И ПАРАКИНЕМЫ КАК МАРКЕРЫ ПЕРСОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ)

Чекулай И.В., Прохорова О.Н.

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет, Россия
E-mail: chekulai@bsu.edu.ru,
prokhorova@bsu.edu.ru

В работе рассмотрены паракинетические средства языка как специфические характеристики персонального дискурса. Объектом исследования являются кинемы, т.е. слова или словосочетания, передающие определённые телодвижения как дополняющие мимику и жесты, а паракинемы представляют собой видовую разновидность кинем, средства выражения действий, направленных на инициацию, развитие или завершение речевой коммуникации. На материале различных языков анализируются различные ситуации использования речений, репрезентирующих кинемы и паракинемы в речи. Высказана гипотеза о том, что значимые средства языка так же, как и дискурсивные маркеры, могут быть неотъемлемыми признаками определённого типа дискурса при условии, что они реализуются на основе определённой семантической парадигмы таких средств. В этой связи для обозначения таких признаков предлагается новый термин «дискурсоформирующие маркеры». Под дискурсоформирующими маркерами понимаются парадигматические средства на основе значимых единиц языка, реализующиеся в определённых типах дискурса или в различных типах дискурса с различной их рекуррентностью в зависимости от типа дискурса. Дальнейшая разработка концепции дискурсоформирующих маркеров представляется перспективной для общей теории дискурса, функционально-дискурсивной стилистики, общей и лексической семантики, фразеологии.

Ключевые слова: кинема, паракинема, персональный дискурс, транспозиция, дискурсивные маркеры, дискурсоформирующие маркеры.

KINEMS AND PARAKINEMS AS THE MARKERS OF THE PERSONAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF FICTION IN DIFFERENT LANGUAGES)

The parakinetic means of a language as specific means of the personal discourse are viewed in the article. The object of investigation are kinemes, i.e. words or word-combinations actualizing certain body motions as the supplements to mimics and jests, and parakinemes are a species of kinemes, means of expressing actions directed at the initiation, development or completion of the speech communication. The various situations of using speech patterns. Representing kinemes and parakinemes in speech are analyzed in different languages. A hypothesis has been expressed that the meaningful language units may be the obligatory characteristic features of a certain type of discourse on condition that they are realized on a certain paradigmatic basis. In this connection a

new term “discourse-forming markers” is suggested. It denotes such paradigmatic means of the language that are actualized in the certain types of discourse or in different types of discourse with different frequency depending on the type of discourse, these means being the meaningful units of a certain language. The further investigation of the discourse-forming markers seems to be perspective for the general theory of discourse, the functional stylistics of discourse, the general and lexical semantics, the phraseology.

Keywords: *kynem, parakynem, personal discourse, transposition, discourse markers, discourse-forming markers.*

Современный период лингвистических исследований, как известно, характеризуется фундаментальным поворотом к изучению языковых явлений в первую очередь как результата творческой деятельности человека, что объединяется достаточно удачным термином «антропоцентрический подход к изучению языковых явлений». Сами языковые явления как непреходящая данность существования и нормального развития человеческого общества в целом достаточно подробно изучены «изнутри», и теперь действительно наступил период необходимости их изучения «снаружи», с выходом за пределы собственно системы языка и с более тесной связью работы человеческого сознания по созданию системы общения между людьми и передачи знаний от человека к человеку, от поколения к поколению.

Неизбежно такой поворот вызвал серьёзные качественные подвижки в изучении явлений языка, объяснение которых по определению представляется явно недостаточным с позиций собственно системно-структурного подхода к изучению данных явлений. Несмотря на достаточно скрупулёзное описание подобных явлений и их детальную таксономию, проникнуть в сущность данных явлений практически невозможно без подключения к исследовательской процедуре таких важных понятий антропоцентрического подхода к языку, как «концепт», «категоризация», «гендер», «дискурс» и многих других, завоевавших своё место в парадигме когнитивно-лингвистических исследований.

Одним из таких явлений является система языковых средств, преимущественно лексических, которые, не обладая семантикой говорения, тем не менее представляют собой важные средства оформления и/или сопровождения непосредственно звучащей речи, известные под названием «паракинестических средств», которые, в свою очередь, являются основным объектом паралингвистических исследований. Как отмечает Т.М.Николаева, «различаются 3 вида паралингвистических средств: фонационные, кинетические и графические... ; к кинетическим компонентам относятся жесты, тип выбираемой позы, мимика» [ЛЭС 1990: 367]. На наш взгляд, в целом отражая основные необходимые семантические основания паракинетики как составной части паралингвистики,

данное явление представляется несколько недостаточным, поскольку в определённых случаях значимыми являются не только жесты, мимика и позы участников коммуникации. Значимыми при определённых ситуативных условиях могут быть и манипуляции с окружающими предметами, телодвижения, отличные от жестов, а порой и значимое отсутствие каких-либо семиотически определённых с точки зрения парадигматики обычного человеческого мышления движений, которые при специфическом (не побоимся назвать его гениальном использовании) приобретают дополнительный смысл, становящийся основным. Примером такого использования является эпизод из романа У.С.Моэма «Театр», где главная героиня, актриса Джулия Ламберт, практически растирает в пыль свою главную на данном этапе жизни соперницу Элис Крайтон, когда в сценическом взаимодействии с ней отвлекает внимание зрителей на себя, манипулируя ярким платком, хотя главной героиней является именно Элис. Тем самым простой платок превращается в важное семиотическое средство. Хотя, конечно, это ситуация из художественного произведения, тем не менее, часто простым предметам уделяется большое значение в важных ситуациях жизни, взаимодействия людей и даже истории. Достаточно упомянуть известное заблуждение о том, что И. Ньютон открыл свой знаменитый закон всемирного тяготения благодаря упавшему на него яблоку. В то же время, у него есть апокрифический контраргумент о том, что Архимед действительно открыл свою знаменитую методику соотношения массы, объёма и плотности, когда погрузился в наполненную до краёв ванну.

История исследования паракинетических средств в аспекте лингвосемиотики достаточно непродолжительна. Несомненно, методологическими в этом плане являются работы таких корифеев отечественной лингвистической науки, как Т.М.Николаева и Б.А.Успенский [Николаева, Успенский, 1966], Г.В. Колшанский [Колшанский, 2004], Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров, 1981]. Их наработки получают дальнейшее развитие в работах молодых учёных, таких как Е.В.Батищева и А.В. Пахарь, Ю.В.Иванова, Ло Шаньлинь и многих других. Тем не менее, до сих пор так и не были определены онтологические характеристики паракинетических средств, хотя достаточно детально описаны их структурные и функциональные особенности. Исходя именно из функциональных характеристик таких единиц языка и речи, можно вывести их онтологические параметры.

Прежде всего, следует провести существенное для исследования природы и онтологических характеристик данных средств разделение на кинемы и паракинемы. Мы понимаем различия данных терминов следующим образом: кинемы – это парадигматические средства выражения любых действий, сопровождающих речь, а паракинемы – это парадигматические средства

выражения действий, направленных на инициацию, развитие или завершение речевой коммуникации. Таким образом, кинемы и паракинемы относятся к плоскости языка как системы и находятся в родо-видовых отношениях (понятие «кинема» шире, нежели «паракинема»). На наш взгляд, наиболее удачным термином для обозначения речевых репрезентантов кинем и паракинем является термин Е.М.Верещагина и В.Г. Костомарова «речение», т.е. «любое вербальное выражение кинемы» [Верещагин, Костомаров, 1981, с. 37].

Ло Шаньлинь вводит также термин «парапроксема», «отражающий явления парапроксемической коммуникации» [Ло Шаньлинь, 2016, с. 9], т.е. кинема, отражающая движения коммуникантов на их пространственное сближение или удаление. Но, наш взгляд, парапроксема функционально и онтологически являются разновидностями паракинем.

Чаще всего кинетические и паракинетические средства языка используются в качестве своего рода сопровождающих диалоги глагольных единиц, играющих в этом диалоге не только важную фоновую функцию, делая описываемую обстановку реально зримой или слышимой, но и часто используемые в функции замещения самих глаголов речевого действия. В этом плане примечателен следующий диалог:

На углу Мойки и Невского кто-то нагнал его и вежливо взял за локоть.

— Привет, Алексей Иванович! Как живы-здоровы?

Городулин обернулся. Рядом с ним, сменив ногу, зашагал Федя Лытков.

— Приехал?— спросил Городулин.

— Вчера.— Глянцевое выбритое лицо Феди Лыткова сияло.

— Костюм, я вижу, новый справил,— сказал Городулин.— Когда приступаешь?

— Сейчас, наверное, в отпуск пойду. После учебы полагается. А чего у нас слышать новенького? — спросил Федя Лытков.

— В Усть-Нарве разбой. В один вечер три буфета взяли. Милиционера пырнули ножом в легкое...

Лытков присвистнул.

— Задержали?

— Шибко ты быстрый. Мы с Белкиным три недели маялись там...

— Ну, а в Управлении чего новенького? — перебил Городулина Лытков.

— Всё на месте,— ответил Городулин,— окна, двери. К нам в отдел

возвращаешься или ждешь нового назначения?

— Служу Советскому Союзу,— **улыбнулся Лытков.**— Как начальство.

— Заходи,— **вяло пригласил Городулин.** — Не забывай.

— А как же! — **Лытков крепко пожал его руку.** — Я помню...

— У тебя память хорошая,— сказал Городулин.— Где пообедаешь, туда и ужинать приходишь.

Лытков засмеялся и погрозил ему пальцем. В вестибюле Управления они разошлись в разные стороны (И.Меттер. Алексей Иваныч).

Нетрудно заметить, что данные паракинемы не только оживляют данный диалог, делают его более зримым, но и служат своего рода средствами характеристики участников этого диалога. При этом важны модификаторы паракинетических глаголов. В частности, становится очевидным, что Городулин явно недолгоблывает Лыткова не только судя из его реплик, но и потому, что он приглашает Лыткова заходить *вяло*. В то же время, хотя чувствуется, что Лытков и Городулин примерно равны в их статусе участников диалога, первый явно заискивающе ведёт себя со вторым, что, в частности, видно из его крепкого рукопожатия.

Весьма частотное использование кинем и паракинем в творчестве М.А. Шолохова. Как и у других авторов, они становятся дополнительным по отношению к глаголам речевого действия средством речевой характеристики персонажей, будучи использованными прежде всего как их заменители, в частности:

- *Заблудились?* - *переспросил Григорий.*

- *А то как же?* - *с искренним удивлением ответил Кудинов и старательно обошел лужицу.*

- *А у меня думка...* - *Григорий потемнел, насильственно улыбаясь.* - *А мне думается, что заблудились мы, когда на восстание пошли... Слыхал, что хоперец говорил?* (М.А.Шолохов. Тихий Дон).

В данном диалоге становятся очевидными серьёзные сомнения Григория Мелехова в справедливости и необходимости восстания казаков против Советской власти, хотя Григорий и является одним из руководителей этого восстания.

В последующих фрагментах диалогов чувствуется уверенность Мишки Кошевого в правоте своего дела, что подтверждается как мимическими действиями, так и косвенными средствами передачи глагольного действия:

- *Не время об этом гутарить!*

- *Нет, время!* - *Мишка нахмурился, упрямая складка легла у него промеж бровей.* - *Свататься не время, а гутарить об этом можно. И мне другую время*

для этого не выбирать. Нынче я тут, а завтра меня, может, за Донец пошлют.

.....
- Понесла их туда нелегкая! - Голос Мишки дрогнул, окреп в злобе. - Я вам, тетенька, так скажу. Григорий, ваш сынок - самый лютый для Советской власти оказался враг. Перейдем мы на эту сторону - и ему первому шворку на шею наденем (М.А.Шолохов. Тихий Дон).

У М.А. Шолохова паракинемы достаточно частотны в случаях, когда повествование приобретает определённый кульминационный оттенок. Это либо ситуация бытового конфликта, либо открытое общечеловеческое или политическое противостояние, обычно заканчивающееся драматически. При этом авторская палитра языковых средств передачи определённых эмоций, мнений, чувств, настроений является весьма яркой для того, чтобы с высокой долей достоверности передать реальность ситуации в целом. Так, например, когда Лукинишна умоляет своего свата Петра Мелехова привезти из Вёшенской труп расстрелянного мужа, кинема передаёт отчаяние женщины, потерявшей любимого мужа, а телесные действия Петра, самого боящегося ареста и расстрела, выражают его страх и смятение:

- Ради господа Христа, сват! Ради создателя, родимушка, съезди ты в Вешки, привези нам его хучь мертвого! - Лукинична хватала руки Петра, обездумело прижимала их к груди. - Привези его... Ох, царица милостивая! Ох, не хочу я, что он там сгниет непохороненный!

- Что ты, что ты, сваха! - как от зачумленной, отступал от нее Петро. - Мысленное дело - добыть его? Мне своя жизнь дороже! Где же я его там найду?

В тех случаях, когда динамизм ситуации тесно переплетается с её драматичностью, кинемы в авторской речи практически вытесняют глаголы речевого действия, в частности:

Дон переехали. Поднялись на выезд. Навстречу им бежали Антип Брехович и еще двое стариков с верхнего края.

- Ох, Мишка! - Емельян, увидев в руках Антипа винтовку, задернул лошадей, круто повернул назад.

- Стой!

Выстрел. Емельян, не роняя из рук вожжей, упал. Лошади скоком воткнулись в плетень. Кошевой прыгнул с саней. Подбегая к нему, скользя ногами, обутыми в чирюки, Антип качнулся, стал, кинул к плечу винтовку. Падая на плетень, Мишка заметил в руках у одного старика белые зубья вил-тройчаток.

- Бей его!

От ожога в плече Кошевой без крика упал вниз, ладонями закрыл глаза.

Человек нагнулся над ним с тяжким дыхом, пырнул его вилами.

- Вставай, сука!

В определённой мере такое явление можно отнести к индивидуальной авторской манере М.А.Шолохова. Но было бы ошибочным заявлять о его «монополии» на использование паракинетических средств, используемых не только как сопровождающих параллельно прямую речь, но и фактически являющихся транспозицией прямых глаголов для введения непосредственного речевого действия, как, например, в таком случае:

– К чёрту с вашей политграмотой... Я назначаю вас губернатором острова с чрезвычайными полномочиями... Попробуйте отказаться, – торопливо, забирая на самые верхи, закричал Гарин, кинулся к столу, вытащил револьвер. – Коротко: если нет – я стреляю... Да или нет?

– Нет, – сказал Шельга, косясь на револьвер. Гарин выстрелил. Шельга поднёс руку, державшую сигару, к виску:

– Дерьмо собачье, сволочь...

– Ага, значит, согласны?

– Положите эту штуку.

– Хорошо. (Гарин швырнул револьвер в ящик.)(А.Н.Толстой. Гиперболоид инженера Гарина).

В данном случае примечательно не только паракинетическое введение прямой речи, но и заключающее данное сверхфразовое единство высказывание, использованное А.Н.Толстым как своего рода сценическая ремарка, данная в скобках (*Гарин швырнул револьвер в ящик*).

В то же время кинетические и паракинетические средства могут успешно использоваться и для описания мирной или домашней обстановки, как в следующем описании вечера в семье гитлеровского генерала Гейнца Гудериана накануне вторжения в СССР:

Оторвавшись от портрета, Гудериан запахнул тёплый халат и склонился над столом. Надо было написать несколько писем и просмотреть подробный рапорт одного из полковых командиров о непригодности старых танков Т-1.

Сзади неслышно подошла Маргарита.

– Ты очень занят?

– Нет, дорогая.

Маргарита положила на стол начатое вязанье, провела ладонью по его волосам.

– Сидеешь, Гейнц. Нельзя так много трудиться.

– Больше думай о себе, дорогая. Ты утомляешься с домашними заботами.

– Это неправда, – улыбнулась она, обрадованная его вниманием. – Может

быть, хочешь кофе? (В.Д. Успенский. Неизвестные солдаты).

Выше были исследованы примеры использования кинем и паракинем в произведениях русскоязычных авторов. Однако следует отметить, что использование этих средств в указанных функциях характерно и для художественных произведений, написанных на других языках и тем самым относящихся к мировой литературе. Например, в следующем диалогическом единстве из повести А.Хэйли и Дж. Кастла «Взлётно-посадочная полоса 008» (“Runway 008”) при помощи данных средств мастерски показывается суматоха, нервозность пассажиров и расторопность персонала в аэропорту накануне оживлённого вечера:

*The agent **grinned and waved across the hall.** “Right over there. The Maple Leaf Air Charter. But mind, I didn’t say a thing.”*

*“This is scandalous!” **stormed** the old lady. “I’ll have you know that my niece—”*

*“Thanks a lot,” said the man. He walked briskly over to a smaller desk displaying the fascia board of the air charter company, behind which another agent, this time in a dark lounge suit instead of the smart uniform of the Cross-Canada Airlines, sat busily writing. He **looked up as the man arrived, pencil poised, all attention.** “Sir?”*

“I wonder, can you help me? Have you by any chance a seat left on a flight to Vancouver?”

*“Vancouver. I’ll see.” **The pencil checked rapidly down a passenger list.** Then: “Uh-huh, just one. Flight’s leaving straight away, though; it’s overdue as it is.”*

“That’s fine, fine. Can I have that seat, please?”

*The agent **reached for a ticket stub.** “Name, sir?”*

*“George Spencer.” **It was entered quickly, with the flight details.***

“That’s sixty-five dollars for the one-way trip, sir. Thank you; glad to be of service. Any bags, sir?”

“Only one. I’ll keep it with me.”

***In a moment the bag was weighed and labelled** (А.Хаiley, J.Castle. Runway Zero-Eight).*

В творчестве известного чешского сатирика Я. Гашека паракинемы встречаются крайне редко, а кинемы не столь частотны, как в исследованных произведениях русскоязычных авторов. Однако эти редкие случаи с лихвой компенсируют их относительный дефицит, поскольку их использование наблюдается в тех специфических случаях, когда говорящий либо озабочен ситуацией, какой бы незначительной она ни казалась, либо же в случаях, когда говорящий осознаёт своё начальственное положение по отношению к говорящим. Последнее использование значительно преобладает над первым, и это не случайно, поскольку весь роман, как известно, пронизан антитезой государственной, военной

и полицейской власти и народа, и такая антитеза становится текстовым средством в условиях данного сатирического текста. В частности, это можно наблюдать в следующих эпизодах его знаменитого романа «Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války»:

*A když se konečně objevila bába Pejzlerka v šenkovně s tím vzkazem, že se dá pan strážmistr pěkně poroučet a že chce, aby mu poslali láhev kontušovky, **praskla** zvědavost hostinského.*

«Koho tam mají?» odpověděla bába Pejzlerka, «nějakýho podezřelýho člověka. Právě než jsem odešla, oba ho drželi kolem krku a pan strážmistr ho hladil po hlavě a říkal mu: „Ty můj zlatej kluku slovanskej, ty můj malinkej špiónku!».

.....
Plukovník se usmíval, ale náhle se zachmuřil a obraceje se na majora Wenzla řekl: «Divím se, že se nám nadporučík Lukáš vyhýbá, od té doby, co přijel, nepřišel ještě ani jednou mezi nás».

«On skládá básničky», posměšně se ozval hejtman Ságner, «sotva přijel, tak se zamiloval do paní inženýrově Schreiterové, s kterou se setkal v divadle».

Plukovník se zachmuřeně podíval před sebe: «Prý umí zpívat kuplety?»

«Už v kadetce nás velice bavil kuplety», odpověděl hejtman Ságner, «a anekdoty zná, jedna radost. Proč nejde mezi nás, nevím».

Plukovník smutně potřásl hlavou: «Dnes už není mezi námi to pravé kamarádství. Dřív, pamatuji se, že každý z nás, důstojníků, snažil se v kalině přispět něčím k zábavě (J. Hašek Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války).

В романе Э.-М. Ремарка «Три товарища» простая житейская ситуация в самом начале романа вводится преимущественно при помощи кинематических средств:

Ich nahm die Flasche hoch. »Natürlich, den Kognak für die Kunden haben Sie nicht angerührt – aber den guten von Herrn Köster haben Sie weggeputzt.«

Ein Grinsen huschte über Mathildes verwitterte Züge. »Alles, was recht is – Kenner bin ich. Aber werden Sie mir verraten, Herr Lohkamp? Eine schutzlose Witwe?«

Ich schüttelte den Kopf. »Heute nicht.«

Sie ließ ihre Röcke herunter. »Dann werd' ich mir mal verdrücken. Wenn Herr Köster kommt – heiliges Donnerwetter!«

Ich ging zum Schrank und schloß ihn auf. »Mathilde...«

Sie watschelte eilig heran. Ich hielt eine braune, viereckige Flasche hoch. Protestierend hob sie die Hände. »Das bin ich nich gewesen! Auf Ehre! Den hab' ich nich angerührt!« (Erich Maria Remarque. Drei Kameraden).

Таким образом, можно заметить, что, во-первых, паракинетиические средства встречаются во всех исследованных лингвокультурах, что даёт основания

предполагать их универсальный характер. Во-вторых, ситуативный диапазон употребления паракинетических средств в принципе неограничен. Тем не менее, все указанные случаи употребления этих средств, хотя часто и не являясь какими-либо специфическими функционально-стилистическими или функционально-прагматическими средствами, фактически придают тем участкам текста (диалогическим единствам, сверхфразовым единствам/сложным синтаксическим целым), в пределах которых они были употреблены, некоторое стилистическое своеобразие. В связи с этим их можно назвать своего рода «квазистилистическими средствами», т.е. средствами, непосредственно не имеющих стилистического статуса, но, тем не менее, приносящими некоторую стилистическую маркированность текстам или их участкам.

Собственно говоря, данные выкладки не дают ответ на поставленный в начале статьи вопрос: каковы онтологические характеристики паракинетических средств? Но при этом нетрудно заметить, что такие средства имеют довольно ограниченную сферу употребления. Тем самым, не являясь собственно стилистическими средствами, кинемы и паракинеммы применимы лишь для определённых условий, и в первую очередь, для условий описания комплексного речевого поведения человека, сопровождающегося и/или заменяющегося паракинетическими средствами.

Ключ к представляющейся наиболее логичной трактовке природы таких средств даёт В.И. Карасик: «С позиций социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае - как представитель определенного социального института. Персональный дискурс существует, на мой взгляд, в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение» [Карасик, 2000, с. 5]. При этом бытовое общение характеризует ситуации обыденной коммуникации: диалоги между родителями и детьми, между знакомыми, сослуживцами, если речь не идёт о корпоративных проблемах и т.п. Бытийное общение носит несколько иной характер. По мнению В.И.Карасика, «в отличие от бытового в бытийном дискурсе предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [Карасик, 2000, с. 6].

Нетрудно заметить, что основные характеристики персонального дискурса как нельзя лучше соответствуют ситуациям употребления кинем и паракинем. В

бытовом дискурсе люди дают прямые или косвенные характеристики поведению других людей именно через описание их паракинетического поведения. Транспонирование этого в бытийный художественный дискурс часто происходит в случае повествования от первого лица, например:

*И здесь же старый мой знакомый - малокопеечка. Кепку свою замечательную он уже снял и сидит за столом, **очень гордый, довольный собой, щерится острыми мышинными зубами.***

- Что ты лыбишься, как параша? - сказал я ему. - Дурак ты! Был бы на моем месте мусор, ты бы уже полдня на нарах куковал! Я тебя, придурка, еще в кино срисовал, как ты вокруг меня сиживался...

*Он выскочил из-за стола, заорал, **слюной забрызгал**, длинно и нескладно стал ругаться матом, **размахивая руками у меня перед носом** (Г. и А. Вайнеры. Эра Милосердия).*

Таким образом, выясняется факт того, что кинемы и паракинемы являются не столько стилистическими, сколько дискурсивными средствами, и тем самым природа этих средств – дискурсивная. Однако для завершения решения проблемы онтологии кинетических и паракинетических средств языка необходимо определить статус данных средств в парадигме бытового дискурса и трансформация этих средств в парадигму бытийного художественного дискурса.

Одной из важнейших составляющих любого дискурса являются единицы или структуры, встречающиеся в данном типе и виде дискурса достаточно рекуррентно. Они известны в современной дискурсологии как «дискурсивные (или дискурсные) маркеры». Вслед за другими авторами В.И. Подлеская и А.А. Кибрик определяют их как «незнаменательные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» [Подлеская, Кибрик, 2015, с.390]. Нетрудно заметить, что кинемы и паракинемы не подходят под это определение, поскольку они являются инвариантами значимых («знаменательных») речевых единиц. Тем не менее, они *маркируют* определённый тип дискурса и тем самым являются его характерными атрибутами.

Можно предположить, что подобного рода феномены возможны и для других типов и разновидностей дискурса. В этой связи представляется релевантным термин «дискурсоформирующие маркеры», который, как и термин «дискурсивные маркеры», применим к описанию достаточно рекуррентных в данном типе дискурса феноменов, но он апеллирует не к малоинформативным или же десемантизированным единицам, а к определённым типам структурно-дискурсивных явлений, имеющим отчётливо выраженные значимые семантические характеристики и в то же время характерных не для всех, а для определённых, достаточно ограниченных в количественном отношении типов

дискурса. Тем самым кинемы и паракинемы можно определить как парадигматические дискурсоформирующие маркеры бытового дискурсивного использования с возможностью их транспозиции в речевых единицах и текстах, относящихся к бытийному дискурсу, предназначенные для усиления прагматического и эмотивно-оценочного эффекта при описании комплексного речевого и телесного поведения объектов описания.

В настоящей работе были исследованы лишь отдельные ситуативные употребления кинетических и паракинетических дискурсивных показателей на материале художественных произведений в четырёх языках. Это предполагает поиск типологических оснований ситуаций их использования, количественный анализ использования данных средств отдельными писателями, расширение палитры языков, задействованных в исследовании, а также поиск других дискурсоформирующих маркеров бытового и бытийного дискурса, равно как и поиск дискурсоформирующих маркеров для различных видов институционального дискурса. Тем самым исследование паралингвистических средств может выйти на иной, более концептуализированный уровень и этим способствовать дальнейшему исследованию дискурса как одной из фундаментальных проблем современной лингвистической науки.

Список литературы:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36-47.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5-20.
3. Колшанский Г.В. Паралингвистика. Изд. 4-е. Москва: URSS, 2004. 96 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Ло Шаньлинь. Элементы параязыка в художественной прозе курских писателей: Автореф. дис. канд. филол. наук. Белгород, 2016. 22 с.
6. Николаева Т.М., Успенский Б.А. Языкознание и паралингвистика //Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. Москва: Издательство «Наука», 1966. С. 63-74.
7. Подлеская В.И., Кибрик А.А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования //Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход: Сб. науч. тр./ Под ред. В.И.Заботкиной. Москва: Языки славянской культуры, 2015. С. 390-395.